

Дом напротив

Моя смерть ездит в черной машине.

БГ

I.

Хорошо работается рано утром и поздно вечером. Утром мозги работают четко, трезво, раскладывая проблемы по полочкам, делая сложные логические построения. Именно утром приходят решения на самые сложные задачи. Но именно утром отбрасываются и те решения, которые еще накануне казались единственно правильными, и претворение которых в жизнь было отложено до утра, только лишь по одной причине – ночью этого нельзя было сделать. Поздно вечером хорошо и легко пишется. Приходят удивительные образы, сравнения, эпитеты. Поздно вечером весь мир окрашивается таинственной серо-голубой краской, хочется писать стихи, слушать музыку, или же броситься стремглав за уходящим последним (именно последним) поездом. Поездом, уходящим не то в милое моему сердцу детство, не то в, несомненно, прекрасное манящее будущее. Я люблю и то и другое время, а день с его суетой и напряжением всегда являлся для меня лишь неизбежным злом, периодом, который надо пережить, перетерпеть, чтобы снова окунуться в романтику вечера.

Окно, рядом с которым стоит мой компьютер, выходит во двор. Это точное направление на запад, так что летом я часов до 8–9 вечера изнываю от жары, стараясь спрятаться от солнца за плотной занавеской, пока, наконец, оно (т.е. солнце) не спрячется за соседним домом. Этот дом расположен всего лишь в метрах двадцати пяти от моего, так что мне прекрасно видно, все, что происходит вблизи него, а порой и в его квартирах. Иногда, в свободное от программирования время (я занимаюсь разработкой сайтов и преподаю), я наблюдаю за чужой жизнью. В этом, наверное, есть что-то детское. В детстве я часами смотрел в окно на проходящих людей, мне не было скучно, я фантазировал об их жизни и о жизни, в которую мне придется когда-нибудь окунуться. Мне казалось, что этот мир таил так много чудесных загадок, которые мне придется разгадывать. Как потом оказалось – не все эти загадки столь уж чудесны и далеко не все они имеют однозначные ответы. Именно вечерами мне кажется, что детство еще не кончилось, что мне по-прежнему предстоит чудесное путешествие, а мир по-прежнему полон неразгаданного.

Дом стоит совсем рядом, но это как другой и далекий берег реки, где я никогда не бывал, как чужая страна, за полосатыми пограничными столбами, как экран, на котором проецируется фильм, о жизни, где мне никогда не суждено быть. Зимой темнеет рано. Я вижу лишь горящие окна. Занавески на окнах трепещут как крылья, по ним бегут тени, тени иной жизни. И мне опять кажется, что мне еще предстоит эта другая жизнь, жизнь с приключениями и удивительными событиями. Я всматриваюсь в эти горящие прямоугольники, стараясь узнать, чем занимаются их хозяева, угадать их судьбы, их будущее и прошлое. Иногда окна оказываются не завешанными, и я вижу, как мужчины и женщины в майках и пижамах ходят по комнате, сидят за столами на кухне, стоят у плиты, читают толстые книжки, готовятся ко сну, целуются или же выясняют отношения. Я не могу слышать, о чем они говорят, но мое воображение живо восстанавливает недостающие детали. Дом напротив представляется мне большим оркестром, в котором каждый играет свое, но не видимый дирижер умело и неуклонно координирует игру каждого, подчиняя коллектив музыкантов не писаному и известному только ему закону оркестровки.

И вот мне кажется, что я уже переносясь через пространство, оказываюсь невидимым рядом с ними. Мне становится сладко и немного страшно. Эта странная игра занимала меня еще в детстве. Я был то человеком невидимкой, то получал удивительный дар проходить сквозь стены, то мог свободно летать и таким образом, мог пробраться в любую квартиру через окно. В своем воображении я то хулиганил, то мстил за нанесенные мне обиды, то приходил на помощь слабым, то наблюдал потаенные сокрытые до поры до времени для меня стороны человеческой жизни.

Созерцание чужой жизни, наверное, как-то восполняет нашу серую, обыденную, с множеством бытовых и нелепых проблем, собственную жизнь. Не случайно так много людей любят смотреть и читать о "звездах". Но здесь, в доме напротив, живут самые обыкновенные люди, с их самыми обыкновенными проблемами: болезнями, непониманием близких, нехваткой денег на коммунальные услуги, детьми, не желающими слушаться, изменами любимых и не любимых, уходом в мир иной, мелкими человеческими страстями и радостями. Что же так неудержимо тянет заглянуть в их мир, в эту их жизнь, которая многим из них кажется серой, обыденной, а иногда жестокой и отвратительной. Вглядываясь в них, мы ищем что-то, что могло бы утешить и нас с вами. Если хорошо им, то, наверное, будет и на нашей улице праздник, если им плохо, то значит мы не одни в этом мире.

II.

Мое подглядывание чужой жизни не было регулярным. Я бы назвал это даже не подглядыванием, а поглядыванием. До поры до времени я не присматривался к людям, а смотрел на жизнь напротив, просто как на массовку, как смотрят на небо, на реку, вглядываются в морскую даль. Постепенно, однако, я начал запоминать, выделять участников этой "массовки". Волей неволей я запоминал, когда они уходят и приходят. Иногда я видел их с другими людьми, и тем самым машинально отмечал для себя их связи и знакомства. Некоторых видел в окнах и на балконах, и, таким образом, определил их место жительства. В какой-то момент я понял, что эти люди стали частью моей жизни.

Бабушка, живущая на первом этаже, часто сидит у окошка. Летом, я ни разу не видел ее на скамейке у подъезда. Может быть, она плохо ходит и передвигается только в пределах квартиры. А вот ее кот, которого я также часто видел на окошке, прекрасно освоил пространство вблизи дома. По утрам я вижу его, обходящим свою территорию, время от времени останавливающимся и делающим метки. Огромный белый котятка чувствовал себя хозяином, и я не раз видел, как он гонял котов, случайно или намеренно вторгшихся в чужие пределы.

Толстенький, не большого роста мужичок, весьма гордого вида, кажется уже на пенсии. Живет он на четвертом этаже и имеет такую же толстенькую жену. Ездит мужик на новой Ниве, любит рыбалку, охоту и ремонтировать квартиру. К нему приезжает сын с женой и ребенком на иномарке. Сын еще не толст, но походка и манера размахивать руками, выдает в нем отца, и дает надежду, что лет через двадцать он будет таким же толстым. Будет ездить на рыбалку и гордо в майке и спортивных штанах расхаживать по балкону с дрелью в руках.

А вон там, во втором подъезде живет странная женщина. Женщине лет пятьдесят. Даже на расстоянии я вижу как мертвенно бледно ее лицо. Я мысленно называю женщину сектанткой. Почему? Не знаю. Она еще молода, но одевается как-то по-старушечьи. Длинные, темные юбки, коричневые кофты. Даже летом в жару подвязывается платочком и не носит туфли на каблук. А между тем, насколько я могу видеть, женщина красива и отлично сложена. Можно предположить, что у нее красивая грудь и бедра. Утром, часов в десять, женщина куда-то уходит. В руках сумка, с какими ходят в магазин. Раза два я видел, что в руке у нее какие-то книги. Из-за этих книг и сумки я начал представлять, что женщина входит в какую-то секту и обходит квартиры, как это делают свидетели Иеговы и

тому подобные "провозвестники истины". Наверное, женщина живет одна. Во всяком случае, мужчин я с ней рядом не видел, впрочем, и женщин тоже. Я пустил в ход фантазию и представил, что незнакомка пережила какую-то трагедию. Смерть ребенка, мужа, тюрьма - дальше этого, моя фантазия не шла.

В рабочие дни люди покидают свои жилища рано. Этот исход начинается в половине шестого утра и заканчивается часов в десять. Люди уходят, уезжают на своих и чужих машинах и такси. Уходят, чтобы вернуться вечером в свои дома, обогреться, встретить детей, мужей и жен, а может, увидеть только пустую ни кем не согретую квартиру. Эти возвращения блудных сынов и дочерей постепенно вырастали для меня до каких-то библейских масштабов. Ведь если человек большую часть своего существования уходит и возвращается, значит, это важнейшее качество жизни человека, символ самой жизни. Уйти и вернуться, значит жить. Уйти и не вернуться, значит умереть.

Вечером ярко загораются окна дома. Не все разом, а по очереди. Через час, через полтора после наступления темноты уже большинство квартир отмечаются горящими прямоугольниками. Горящие окна возбуждают мое любопытство, ведь за ними течет, бурлит или угасает чья-то жизнь. Шторы на окнах призваны скрывать происходящее за ними, но иногда они столь прозрачны, что, кажется, играют ту же роль, что и купальники на иных женщинах, не столько скрывающих, сколько открывающих всю прелесть женского тела. Тени в окнах возбуждают любопытство и фантазию. Мужские фигуры грузные с животами, изящные фигурки женщин, маленькие фигурки детей и сторбленные фигурки стариков. Все эти тени двигаются, садятся и встают, наклоняются, перекрывают друг друга, создавая ощущение какого-то странного танца в театре теней, танца название которому жизнь. В окнах, где не было штор, можно было видеть людей воочию. Вот мужчина вворачивает лампочку в коридоре, а вот за столом на кухне собралась вся семья. Женщина снимает халат, готовится ко сну. Нет, это не выглядит как стриптиз, скорее наоборот, это смотрится как произведение искусства, как проявление многоликости человеческого существования.

Ближе к полуночи окна начинают потухать. Часам к двум-трем ночи в доме горят только одно или два окна. Любителей полуночничать не так уж много, или желание выспаться перед работой побеждает все остальные желания? Эти одинокие ночные окна - что они скрывают? Одинокий мужчина смотрит ли видик, или любительница женских романов зачиталась, замечталась о лазурных берегах и черноглазых и белозубых мужчинах, или заболел ребенок, и вся семья не

спит, прислушиваясь к неровному дыханию малыша. Но вот погасли и эти окна. Дом спит. А поутру начнется все сначала - закрутится вечное колесо жизни.

III.

Около шести часов вечера я по обыкновению усаживаюсь за компьютер. Пока дожидаясь запуска системного блока, искоса поглядываю в окно. По асфальтовой дорожке идет женщина. Темные волосы до плеч распущены и курносый нос. Темная облегающая блузка с открытым воротом и темная же юбка до колен. У женщины через плечо черная сумка, в левой руке пакет, наверное, с продуктами и темные глаза. Рядом с женщиной девочка лет шести. Кажется, я и раньше видел эту женщину, но не обращал на нее внимания, как, впрочем, до поры до времени и на других обитателей дома напротив. Женщина подошла к третьему подъезду точно напротив моего окна и стала подниматься к двери подъезда. Я почему-то уставился ей вслед, и смотрел, пока она не исчезла за дверями.

Часика через два, изрядно поработав, я решил побаловаться чайком. Отхлебывая из бокала, я крутился на кресле в такт музыки, доносящейся из колонок. Случайно мой взгляд упал на окно третьего этажа, которое было напротив моего. Окно было открыто, около него стояла та самая женщина и курила. Хотя уже темнело, но я безошибочно узнал ее. Те же черные волосы и осанка. Она была в халате, цвет которого я уже не мог различить. Женщина курила, держа сигарету в правой руке, поддерживая ее под локоть левой. Женщина, как мне казалось, всматривалась в ступающие сумерки, а может просто думала о чем-то. Эта фигурка в окне оказалась для меня столь притягательной, что я, забыв о чае, все смотрел и смотрел на нее. Невольно она связалась у меня с какой-то пронзительной скрипичной нотой, словно бесконечной длины смычок медленно и размеренно двигался и двигался по струнам в одну сторону. И даже когда женщина, докурив, исчезла в глубине комнаты (смычок закончился), я все смотрел и смотрел на черный прямоугольник. Во мне не было любопытства, но что-то заставляло меня смотреть туда. В окне блеснул огонь - наверное, из другой комнаты. Но все снова погрузилось в темноту. Я ждал. Но никто больше не появился, дом напротив стал постепенно засыпать. Окна как головы сказочного зверя отходили ко сну одна за другой. "Что ж", - подумалось мне, "чужая жизнь - потемки. Все ли ты понимаешь в своей жизни?". И я стал готовиться к сну.

А на утро заиграли барабаны, и моя собственная жизнь полная забот и какого-то неосознанного беспокойства закружила меня в сво-

ем бешеном танце, так что я на время забыл и о женщине в темном, и даже о доме напротив.

Жизнь, как заметил один мудрый человек, что полосатая зебра. Примерно через неделю, меня отпустило. Я снова почувствовал, что могу наслаждаться окружающим миром. Я с удовольствием уселся за компьютер, осознавая всем своим существом, что у меня нет срочной работы, что можно смотреть любимые фильмы, слушать музыку, просто бродить по необъятным полям и закоулкам Интернета. Пока компьютер запускался, я наблюдал в окно за белым котом, который по обыкновению обходил свои владения, останавливаясь у каждого кустика и проверяя, не объявился ли претендент на его территории. Я смотрел на кота, но каким-то боковым зрением чувствовал движение в районе третьего этажа. О женщине я и совсем забыл. Когда я, наконец, взглянул на то самое окно, в нем лишь качались занавески. Был ли кто или только порыв воздуха промчался из глубин комнат?

Это событие вновь всколыхнуло мое любопытство и я, занимаясь компьютером, нет-нет да поглядывал в сторону окна. Но все было спокойно. И тут меня осенило: дом напротив такой же как и дом, в котором живу я. Балкон, что справа и окно относятся к одной и той же квартире. Кроме этого кухонное окно расположено сразу за балконом справа. Как мне сразу не пришло это в голову? Окно на кухню уже зажглось. За светлыми шторами я видел какое-то движение. Трудно было разобрать, что там происходило. Я подъехал ближе к окну и стал наблюдать. Странно, спроси меня, зачем я это делаю - я бы не смог ответить. Вдруг чья-то рука раздвинула шторы, и я увидел мужчину. На вид сорок - сорок пять, в майке, волосы всклокочены. Мужчина распахнул форточку и что-то выбросил в нее, кажется окурок. Широкое грубоватое лицо. Кто он? Строитель, водитель, а может бухгалтер. Вспомнился рефрен 90-х: "бухгалтер, милый мой бухгалтер". Хм, кажется, жена выше его почти на целую голову. А может не жена? Может и не жена. Ладно, пусть будет просто "бухгалтером".

IV.

В среду ко мне на огонек заглянул мой давний добрый приятель, Николай. Мы познакомились с ним еще в 80-х годах. Николай тогда продавал компьютеры, а я иногда помогал ему. Времена надежд и ожиданий пришлось на времена нашей молодости. А молодые годы всегда вспоминаются с грустью и сожалением, чтобы там ни происходило. Времена могут возвратиться, а молодость - никогда.

Разливая коньяк по рюмкам, мы, перебивая друг друга, вспоминали разные случаи из жизни. Вспоминались почему-то именно 80-е. Хотя убей, но я ничего не могу вспомнить из 90-х. Нет, я помню, конечно, что было со мной с 1991-2000 гг. А вот так, вспомнить за столом – ничего в голову не приходит.

- А помнишь, ездили с тобой в Москву. Когда это было?

- По-моему, в 1988. Стоп, останавливались у ВДНХ. Точно?

- Буквально, напротив. Там такая гостиница, домов десять, пятиэтажек.

- Точно. Мы с тобой еще выпивали в баре, в Останкино, а там вся компания ВИД'а оттягивалась тогда. Ну, Листьев.., кто еще там был.

- Ну, этот Политковский. Этот еще, как его..

- Давай выпьем. Черт знает что творилось тогда, но весело было.

Выпили, помолчали. Коньяк разливался внутри теплой волной, захватывая, кружа, придавая беседе какую-то вселенскую значимость.

- Да, может оно и к лучшему, что все началось в 80-е. Представь себе, что вся эта заварушка началась бы в середине 90-х. Я не знаю, пережил бы я все это. Я вот думаю о тех, кому в 80-е пятьдесят исполнилось. Каково им потом было.

- Не знаю. Горбачева тогда бы у власти не было и может, пошли бы семимильными шагами.

Далее разговор перескакивал с темы на тему.

- Помнишь, у тебя интрижка была? Ну, с этой, в общежитии.

- Да я и забыл давно. Ты-то сейчас как?

- Развелся. Знаешь, не хочется об этом говорить, но я считаю, что в таких случаях надо резко прекращать отношения.

- Один сейчас?

Николай помолчал, прикуривая.

Мы встречались довольно редко. Но для меня эти встречи имели какое-то особое значение. Пусть на один вечер, но ощутить, что кто-то слушает тебя с пониманием и сочувствием, хоть на один вечер почувствовать теплоту человеческих отношений, отогреться простой мужской беседой и пониманием.

- Есть одна женщина, но она замужем. Красивая баба! Черноволосая, темноглазая, грудь как у богини, на расстоянии ее запах чувствую. Семью разрушать не хочет, и я оторваться от нее не могу. Тянет меня к ней, тянет как магнитом. Два дня не видимся, а, кажется целая вечность прошла. Так вот и боремся со своими чувствами.

Николай был бизнесменом. Владел в городе несколькими не большими магазинчиками, торгующими всякой всячиной, и ездил на новой черной "японке".

Было уже поздно, и не допив вторую бутылку коньяка, мы разошлись. Я смотрел в окно, как такси увозило Николая в его мир суеты, простых человеческих радостей и мук преодоления родового одиночества.

V.

На удивление утром почти не ощущалось похмельного состояния, и чувствовал я себя отдохнувшим и душой и телом. А мир не так уж и плох, да и я еще пока жив в этом мире. И кто знает, что там впереди, будет праздник и на нашей улице.

К вечеру все дела были сделаны, и я уселся за компьютер. Нужно было сделать несколько изменений в проекте, разработку которого я почти закончил. Программирование никогда не было для меня работой. Удовольствие, которое я получал от него, было скорее похоже на употребление слабого наркотика. В отличие от спины моя голова никогда не уставала, а напротив становилась от такой деятельности все более и более ясной. Программирование сродни писательской деятельности. Одну и ту же мысль вы можете выразить множеством различных способов. Выбор же способа часто зависит от индивидуальных особенностей программиста. Творческий элемент программирования для меня всегда был главным, иногда это мешало работе, так как требования заказчика не всегда соответствует данному критерию.

Все изменения я сделал часа за полтора и довольный своей работой, прихлебывая из бокала зеленый чай, обратился к окну.

Темнело. Дом напротив сверкал почти всеми своими окнами. Огромный улей жил внутренней скрытой жизнью. Я выключил свет в комнате и обратился к интересующим меня окнам. Но окна на удивление были черны. Ни огонька, ни движения. Я смотрел и мне, почему-то было не скучно. Я как охотник ждал появления дичи, не замечая бега времени. Через какое-то время, возможно через час, у подъезда напротив остановился черный японский автомобиль. Из машины

вышли мужчина и женщина. В темноте не возможно было разглядеть их лиц и одежду, однако у двери подъезда они замешкались, и я видел, как женщина, чуть склонившись вправо, прижалась к мужчине, слегка склонив голову на его плечо. Нет, я не узнал в вышедшей из машины даме мою незнакомку, но когда окно в квартире напротив засветилось приглушенным светом (наверное, из коридора), я присвистнул. Кто этот мужчина? Муж, любовник. Но тогда, кто был тот низенький крепыш, прозванный мной "бухгалтером"? А не все ли мне равно? Кто мне эта женщина? Я даже не знаком с ней, не видел ее вблизи, не смотрел в ее глаза, не держал ее за руку. Лишь темные волосы и глаза, да стройная фигура и легкая походка. Мало, слишком мало, чтобы волноваться о ее личной жизни, чужой для меня жизни. Эта женщина вольна делать все, что ей угодно и мне нет дела до нее, нет дела до того мужчины, что сейчас обнимает ее. У тебя своя жизнь, оставь, что тебе до них.

Свет в комнатах так и не зажегся. Я задернул шторы и ушел на кухню. Весь оставшийся вечер я не подходил к окну и смотрел по телевизору какую-то дрянь.

Утром черной машины у подъезда не было, а я собрался и пошел на работу, суетливо пытаюсь уяснить для себя смысл произошедшего и свою роль в происходящем. Как не крути, а роль эта была какой-то странной. Подглядывание всегда считалось чем-то неприличным. Я подглядывал за чужой жизнью, но меня взволновала эта жизнь, эта женщина, я уже не мог быть беспристрастным, я уже был участником, хотя об этом никто кроме меня не знал.

Остановившись на углу, я, вдруг, вместо того, чтобы направиться напрямиком на работу, повернул и пошел в сторону дома напротив. Зачем я туда шел, что меня толкало, я не отдавал себе отчета. Завернув за наш дом, я напрямиком через кусты направился к тому подъезду. У подъезда стояла синяя Калина, и не большого роста крепкий с животиком мужчина лет сорока пяти вытаскивал из нее большую спортивную сумку.

- "Бухгалтер" - сообразил я.

В тот момент, когда я оказался рядом с "Калиной" из подъезда появилась ОНА. В сером плаще, из под которого выглядывала черная блузка и серая юбка. Она помахала рукой и улыбнулась. Я понимал, что все это было обращено к мужчине из "Калины", но на мгновение застыл и тоже улыбнулся.

- Как съездил? - женщина подбежала и чуть склонившись, подставила щечку.

Чмокнув, супругу, а теперь я уже не сомневался, что "Бухгалтер" являлся законным мужем темноглазой особы, мужчина, подняв сумку, направился к двери подъезда.

- Ну, пока, - женщина махнула ему рукой. Перебросив сумочку через плечо, она направилась в сторону, откуда пришел я. Однако за мгновение до этого ее взгляд слева направо скользнул по мне. Мне показалось, что в ее глазах была какая-то усмешка, ирония. Впрочем, с чего бы это? Мы не были знакомы, и вряд ли она видела, как я наблюдаю за их квартирой.

Я медленно побрел на работу. Было странное чувство. Не было ни радости, ни грусти, ни разочарования, ничего. Нет, это даже не было чувством, это было отсутствие всяких чувств. После обеда за работой я забыл о случившемся.

VI.

Время шло, а мои мысли все возвращались и возвращались к моей темноглазой соседке. Судя по виду ей было лет тридцать пять. Муж. Ребенок. Как складывалась ее жизнь. Дочке шесть лет. Скорее всего, вышла замуж лет шесть-семь назад. Раньше незамужнюю женщину в двадцать девять лет считали уже старой девой. Наверное, торопилась замуж. Боялась одиночества. Подвернулся мужичок, относится хорошо, жалеет, как говорили когда-то, вот по совету матери и вышла. Года через три-четыре стала осознавать, что ошиблась. Что хочется еще чего-то. Любви? Романтики? А может просто какого-то умопомрачительного секса. И вот подвернулся молодой красавчик при деньгах, или просто красавчик, или просто при деньгах, или просто на черной машине.

Я неделю не смотрел в ее окна, но где-то в глубине души понимал, что она меня не отпустит. Это волнующее чувство, я бы назвал его "длинный поводок". Живешь, работаешь, развлекаешься, но при этом четко понимаешь, что чувства, скрытые в глубине души в какой-то момент начнут натягивать поводок. И тут все зависит от его крепости, может быть тебе и удастся порвать его и уйти на свободу, а если не удастся, то тут уж трудно предвидеть, как будут развиваться события дальше.

В субботу под вечер завалился Николай. Был уже немного навеселе. С собой у него был коньяк, и огромный кусок твердого как гранит горького шоколада. Такой шоколад нужно было разбивать молотком, так как нож его не брал, да и откусывать от огромного куска было трудно. Николай воспитывался в детдоме, а затем многие годы прожил с семьей в общежитии, и эти общежитские замашки, появ-

ляться в любое время дня и ночи с бутылкой или без оной, из него невозможно было вытравить ничем.

Сегодня Николай был в длинном белом кожаном плаще, белой шляпе, длинном сером кашне. Но под плащом имел клетчатую рубашку и джинсы. Такое отношение к одежде было для него характерно. Ему часто не хватало терпения завершить свой туалет, и он мог, например, появиться в шикарном пиджаке, но в кроссовках.

Со времени последней встречи прошло не так уж много времени. Что-то опять привело Николая ко мне. Впрочем, что ж тут удивительного - парень метался. Развод, теперь замужняя женщина. И тут меня словно током ударило: уж, не в дом ли напротив повадился мой старый приятель. Как я до этого раньше не додумался. Машина черная, японская. Сам он парень видный. Женщина темноглазая, замужняя - все сходится. Хм, как же его подробнее расспросить?

- Ну, давай!

Николай уже разлил хеннеси по рюмкам.

- За что пьем?

- За жизнь!

- Давай.

Выпили. Николай молча жевал ломтик вареной колбасы и о чем-то думал.

- Ты когда-нибудь о смерти думал? - вдруг произнес он.

- Думал.

- И что ты надумал?

- Думал, что лучше об этом не думать.

- Влад, это не шутка. Ведь там даже сны не будут сниться. Там нет ничего. Там нельзя думать, созерцать. Там даже черноты нет, ну или темноты. Там великое «НИЧТО». И это бесконечно. Понимаешь? Бес-ко-неч-но! Оттуда даже неандертальцы еще не возвращались, которым сотни тысяч лет.

- Ну, это еще ничего не значит. А вдруг там жизнь вечная и каждому по их заслугам воздается. Ну, скажем, эта самая темнота полная, а ты плаваешь в этой черноте. Летишь себе и летишь. Ни

забот, ни тревог, ничего уже не надо. Просто плаваешь в космосе, как демон какой-то.

- Что значит плывешь? Ну, час, ну два плывешь, а дальше то ведь уже и надоест. Вот где ад то настоящий! Но ты и проверить это не можешь? Вот в чем фокус. Если нет доказательств, у человека всегда остается сомнение. Только у фанатиков сомнений нет, да речь ведь не о них. Они счастливы, а мы нет. Мы же мучаемся, что не можем понять, зачем живем. Вот пьем, развлекаемся, спим с женщинами, а не знаем зачем, зачем, все это. Если бы смерть была мгновенной, и мы бы ее не ждали. Но ведь с какого-то момента человек начинает ее ждать. Я не знаю, что чувствует человек, которому, скажем, лет восемьдесят, или, еще, если человек смертельно болен. Ведь он понимает, что не много ему осталось.

- И самое страшное, он ничего уже не успеет. Он не успеет написать книгу, не успеет выучить иностранный язык, овладеть новой профессией, научиться играть в шахматы. Как жить тогда? Мне страшно это представить.

- Сказал тоже - новой профессией. Какая, к черту, новая профессия, если он уже еле ходит. Ему же за восемьдесят! Но вот, что меня удручает, в таком возрасте ведь и женщина не нужна уже будет. Так, разве что сиделка.

- Ну, что касается женщин, может быть это и не плохо совсем, ничего не отвлекает от творчества, например. Хотя, как говаривали умные люди - с уменьшением потенции, уменьшается творческий потенциал. Но, по-моему, проблема только в том, как переходить туда, в эту пустоту или загробный мир, не знаю. Сам переход страшен. Ты не того боишься, что там, а самого перехода. Потому как тебе одному идти. Туда только по одному ходят, со своей прожитой жизнью, со своей совестью. Одному страшно, но ты все равно туда пойдешь, все равно. Рано или поздно.

- А вдруг и правда не подошло еще время второго пришествия, когда проснутся все мертвецы и явится нам во всей красе новый Иерусалим.

- Да, да, да. "Над небом голубым, есть город золотой". Только вот никто не знает этого времени, признаков его и придет ли оно вообще.

Вспыхнувший разговор о смерти, как то сразу потух и «пришиб» обоих. Мы сидели некоторое время молча, словно напуганные своим открытием, как будто вот сейчас уже нужно идти в тот мир, а за

дверьми ждет молчаливый Харон и только и успеть, что рюмку коньяка заглотить, а больше уже ничего не успеть, ничего.

Николай как-то поспешно опрокинул свою рюмку. Я молча последовал за ним. Стало чуть легче, но разговор не клеился.

После ухода Николая, я вдруг вспомнил, что хотел узнать о его черноглазой незнакомке. Тьфу, разговоры о потустороннем мире совсем выбили меня из колеи. Я лег спать в отвратительном настроении и все гнал от себя мысли о смерти. Во сне я шел один по длинной узкой дороге, а по бокам и впереди было темно. Мне было страшно, я чувствовал, что в темноте кто-то скрывается. Однако это «кто-то» так и не показался до окончания сна. Так я и не пришел никуда, а просто проснулся.

VII.

Я посмотрел за окно. Шел дождь. Дом опять весь светился. Я вдруг почувствовал, что окна напротив тянули меня к себе, как будто за ними скрывалось что-то запретное, сладостно-греховное, а может и смертельное. Дом напротив, словно невиданный город счастья притягивал и манил к себе.

Я вздрогнул - у третьего подъезда стояла, поблескивая мокрым капотом черная машина, словно черная птица, из иного мира опустившаяся на землю. Я поднял глаза к уже знакомому мне балкону третьего этажа. На балконе было двое. Я это видел ясно, хотя разглядеть детали было невозможно. Это были мужчина и женщина. Мужчина курил, а женщина слегка опершись на поручень, глядела вниз, и как мне показалось, время от времени поглядывала на него. Возможно, они разговаривали. Мужчина был в светлой рубашке, а у женщины на плечах было что-то наподобие пледа.

Вначале я просто наблюдал за парочкой, наблюдал ни о чем не думая, смотрел, как смотрят на что-то, только чтобы отвлечь внимание. Но постепенно мои ощущения изменились, я, словно разделился надвое. Одна моя половинка по-прежнему глядела из окна, а вторая будто бы перенеслась на этот балкон. Однако первая половинка потеряла связь со второй, и ее неудержимо тянуло туда, чтобы воссоединиться, обрести единство и успокоиться. Это странное беспокойство, охватившее мой мозг, вызвало у меня замирание сердца. Я словно качался на огромных качелях. Пытаясь, успокоиться, я встал, прошел на кухню, заглянув в холодильник, нашел начатую бутылку коньяка. Но коньяк, похоже, усилил мое состояние. Я опять подошел к окну. Все тоже - мужчина и женщина все еще были на балконе. Дождь прекратился.

Не отдавая себе отчет в своих действиях, я прошел в прихожую и, волнуясь, стал одеваться. Мной будто управляла какая-то внешняя сила, потому как сам я в то время не мог составить хоть сколь ни будь разумный план действий. Да и цели то никакой не возможно было сформулировать. Когда дело дошло до ботинок (почему-то в последнюю очередь) я вдруг обнаружил, что на мне нет носков. Пробежал в комнату за носками и обнаружил, что на балконе уже никого и что окна потушены.

Вернувшись в прихожую, я остановился. Голова кружилась, а в висках стучало. Я прислонился к стене и так простоял минут пятнадцать двадцать или больше - счет времени в этот момент для меня ничего не значил, время текло как-то само по себе. Я наклонился зашнуровать туфли и вдруг ткнулся головой в пол.

VIII.

Я открыл глаза. Мой кот Трифон обнюхивал мое лицо и, касаясь мокрым носом моей кожи, громко урчал. Я лежал на полу в ботинках и куртке. Повернув голову, я увидел, что настенные часы показывали половину первого. Я пролежал около часа или чуть меньше. Уж не удар ли со мной был? Но чувствовал я себя вполне сносно. Поднявшись, я почувствовал только легкое головокружение, которое обычно возникает, когда резко встаешь из горизонтального положения. Какое то время я стоял у зеркала в коридоре и смотрел на себя. Мое сознание, словно посторонний предмет как маятник летало по комнате, время от времени попадая мне в голову и снова вылетая из нее. Затухая маятник, наконец, остановился, оказавшись точно там, где ему и положено было быть. Тут я, наконец, ясно вспомнил, что собирался идти в дом, напротив, в ту самую квартиру, где жила мое темноглазая особа.

- "Постой, ты собирался идти, когда она там с мужчиной. Чтобы ты сказал ей, ему. И вообще - зачем? Ты можешь представить себе всю нелепость ситуации? Ты позвонишь в дверь, нет, нет, в начале тебе придется набрать ее квартиру на пульте домофона. Что ты скажешь? Что ты водопроводчик? Это в двенадцать ночи. И вообще, зачем, зачем, зачем? Стоп, стоп. А какая у нее квартира? Ну, это не трудно вычислить, дом ведь такой же, как наш. Квартира 77-я. Или 75-я? Нет, нет 77-я, 75-я квартира должна быть однокомнатной. Что если просто дойти до ее подъезда. А вдруг она на балконе. Да, но скорее всего она там с этим мужчиной. Ну, пройду мимо. Прогуляюсь под окнами. Что же здесь такого?"

Придумав "хитрую" уловку, я уже совершенно спокойно вышел на улицу. Шел дождь, но не сильный, я завернул за угол. Пока я шел

от одного угла до другого (с торца здания) сердце мое забилося, я как будто страшился выйти в открытое пространство и увидеть дом напротив. Перед тем как повернуть я остановился и перевел дух. Вокруг не было не души. Дома светились последними полуночными окнами. Я шагнул вперед. В доме напротив горело только несколько окон. Я остановился и посмотрел в сторону третьего подъезда. Нет, окна темноглазки были темны. Постой, постой, а где машина. Черная машина исчезла. Я растерялся. Весь мой план рушился. Её нет, окна темны. Зачем поперся ночью к чужому дому? А если бы машина была – смысл бы был? Черт возьми. Ведь именно теперь я должен что-то сделать. Я уже не могу себе сказать, что она там с ним, поэтому я могу только постоять в сторонке. Я могу позвонить к ней – она одна и, наверное, еще не спит. Что мне ей сказать? Но больше не утруждая себя размышлениями, я решительно направился к её подъезду.

IX.

Проходя мимо детской песочницы, я запнулся и чуть не растянувшись, топнул все же по луже и облил брюки грязной водой. Подходя к третьему подъезду, я посмотрел в её окна. Окна не светились, но мне показалось, что кто-то стоит у кухонного окна. Вот и домофон, я остановился, квартира 77. Не думать, на авось.

Звонок, никто не подходит. Время длится целую вечность. Может уйти? Черт, возьми, себя в руки! Щелчок. Женский голос.

- Кто там?

Язык работал сам по себе, полная импровизация.

- Не кладите трубку. Я бы хотел поговорить с вами.

- Ночью? Бред какой-то.

- Я хочу объясниться. Я живу в доме напротив. Понимаете. Я вас видел несколько раз. Я бы хотел с вами поговорить.

- Что вам надо?

- Постойте. Я... Понимаете... Я видел вас из окна. Один раз я стоял у подъезда, а вы встречали своего мужа. А один раз я видел вас из окна, вы шли с девочкой. Наверное, это ваша дочка. Вы были в темной юбке и блузке. Я за компьютером у окна сижу и видел вас. Потом видел вас на балконе. Сегодня я вышел погулять и решил вам позвонить.

Я тараторил этот бред, как строчил из пулемета. Откуда что взялось, не ожидал я от себя столь "выразительного" красноречия. Видимо абсурдность ситуации как-то странно подействовала на мою подкорку.

- Поверьте, у меня на уме нет ничего дурного. Там у подъезда мне показалось, что мы с вами очень похожи. Вы темненькая - я тоже. Я на себя потом в зеркало смотрел и мне показалось, что мои глаза похожи на ваши. Хотя они другого цвета, у меня зеленые, а у вас темно-коричневые..., кажется.

- Уже поздно.

В ее голосе была усталость, но не было уже неудовольствия, первых секунд разговора.

- Я понимаю. Извините меня. Наверное, то, что я говорю, какая-то белиберда. Я не хотел вас беспокоить, но мне так хотелось с вами поговорить. Хоть несколько слов. Просто захотелось. Не сердитесь на меня. Я сейчас уйду. Уже поздно, а вам, наверное, с утра на работу. Я просто хотел с вами поговорить. Вы только слушайте, не кладите трубку, мне это важно.

- Ладно. Что вы еще хотели мне сказать?

По оттенкам голоса я уже слышал, что разговор получился. Она приняла меня. Приняла как собеседника, значит, я могу ее видеть, еще и еще разговаривать с ней. Может быть, она пригласит меня домой.

- Не знаю. Я вас не вижу, но мне так хорошо с вами. Словно вы рядом стоите. Мне так нравится ваш голос. Он как флейта звучит для меня. Спасибо, что вы позволили мне говорить с вами.

- Не знаю, что ответить. Поздно уже.

- Извините я сейчас уйду.

Но мне не хотелось уходить. Я понимал, что меня не пригласят, но то, что она сразу не отключила домофон, было моей маленькой победой.

- Ну, все, спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

Я зашагал домой. Я будто одним махом проглотил огромный бокал крепчайшего черного кофе. Сердце колотилось, а мысли танцевали

какой-то замысловатый латиноамериканский танец. Неужели это и есть счастье?

Я не мог уснуть. Лежал с закрытыми глазами. А может быть уже спал ... или не спал. Перед глазами стояла моя красавица. В той самой темной блузке. Она что-то говорила мне и я отвечал. Сердце сжималось и разжималось от какого-то сладкого чувства. Мне казалось, что я мог протянуть ей руку и дотронуться до нее, такого было ощущение ее присутствия. Я даже сел в кровати и стал всматриваться в темноту. Но все было тихо, только на кухне Трифон шуршал в своей тарелке. Пытаясь уснуть, я лег на правый бок, стараясь перевести мысли на нейтральные объекты, но мозги не слушались и словно плеер все воспроизводили и воспроизводили наш с ней разговор. Может быть, если бы я был по настойчивее, она пригласила бы меня к себе? Нет, нет. Так сразу. Незнакомого мужчину. Но ведь определенно я ее заинтересовал. Чем ты мог ее заинтересовать? Своей нечленораздельной речью не о чем? А что я должен был говорить? Представиться: Владимир Калинин (это я), разрешите войти. Какая чепуха. Тьфу! Время уже четыре, а завтра на работу. Точнее уже сегодня.

Я протопал на кухню и принял аж пятьдесят капель корвалолола. Корвалол, как всегда, действовал безотказно, и я быстро погрузился в тяжелый, но счастливый сон. Под утро ко мне пришел Трифон, он прижимался ко мне и урчал от удовольствия.

Х.

А наутро прозвенел будильник, и я как марионетка поплелся в ванную. Чтобы ни было вчера, сегодня наступает новый день и надо заниматься обыденными и, увы, необходимыми делами, надо идти на работу, надо общаться с людьми, надо выполнять скучные домашние обязанности. С утра туманило. Жаря яичницу, я поглядывал во двор. Какой-то мужчина вышел из нашего подъезда и тяжело и медленно ступая, направился через двор в сторону магазина. Кажется это сосед с четвертого этажа. Вчера он просил денег на опохмелку, а сегодня, наверное, процесс продолжился. Что ж, жизнь идет своим чередом.

Что же произошло? Я не мог понять свое состояние. Идя на работу, я пытался осмыслить случившееся. Я снова и снова вспоминал мой разговор с моей соседкой напротив. Я даже не узнал, как ее зовут. Ни сам не представился, ни ее не спросил. Вот балда! Как же мне снова с ней встретиться? Караулить на улице? Как то нелепо. А если она будет с мужем или еще хуже с тем мужчиной на

черной машине? Так размышляя над ночными приключениями и строя «хитроумные» планы встречи, я добрался до работы.

В фойе меня ждало неприятное. Справа у стены на столе стоял портрет в черной рамочке с двумя розами в вазе. Я знал этого человека. Он давно уже не работал в институте. Сколько ему сейчас. Наверное, около восьмидесяти будет. Я знал его с детства. Анатолий Алексеевич Треухов жил всегда один, не был женат. Всегда говорил, что женится, когда вставит зубы. С зубами у него действительно была странная история. Анатолий Алексеевич никогда ничем не болел, даже насморк ни разу не подхватил. Он шутил, что у врача он было последний раз когда ему было лет десять. Но вот зубы. Он говорил, что зубы (почти все) он потерял, когда ему было лет восемнадцать. Что это была за история, и почему он так и не собрался и не вставил зубы - никто не знал и сейчас уже вряд ли узнает. Все тайны своей жизни Анатолий Алексеевич унес в могилу. Странно, этот человек за долгую жизнь набрал столько разной информации и вот теперь все ушло. Никто, никто не сможет вытащить теперь из его угасшего сознания хотя бы крупицу, толику того, что он знал, видел, слышал. Как чертовски все несправедливо. Для кого и чего копятся эти кладези информации? Чтоб вот в одночасье выбросить все. Я знал, Анатолий Алексеевич писал стихи. Но я слышал только пару из них. Где они. Может быть что-то осталось?

Оказывается, Анатолия Алексеевича похоронили еще вчера - меня три дня не было на работе. После обеда я решил пойти к нему домой. Я был на этой его предпоследней квартире раза два. Она вся с пола до потолка была заставлена книгами. Треухов обладал одной из самых богатых библиотек в городе. Сколько я его помнил - все деньги, которые он зарабатывал (а в советские времена зарабатывал не плохо) шли на книги.

Анатолий Алексеевич жил в не большом, но благоустроенном домике. Жил на первом этаже и имел две крошечные комнатки и кухню. Зайдя в коридор, я остановился, дверь в квартиру была открыта настежь. Может, поминают - мелькнула мысль. Может родственники, о которых никто знавших его никогда не слышал. Или шахматисты? - Треухов самозабвенно увлекался шахматами и в числе его знакомых большей частью были именно любители шахмат. Однако квартира была пуста, во всяком случае, мне так поначалу показалось. Однако меня поразило другое - полки стеллажей, которые в былые времена были заполнены книгами - оказались пусты. В большой комнате стоял старенький телевизор, купленный Анатолием Алексеевичем по случаю еще в 80-е годах. На телевизоре валялся кусок штука-

турки. Этот кусок штукатурки я видел еще лет десять назад, когда был у Треухова в последний раз. Вот и все - мелькнуло в голове.

Кто-то кашлянул сзади. Я вздрогнул и повернулся. Оказывается, в квартире был еще один человек. Я мельком был с ним знаком. Он был завсегдатаем шахматного клуба, а когда-то работал в газете. Кажется, фамилия его была Друкарев.

- Вот - Друкарев растерянно развел руками - Все подчистую, ничего не осталось.

- Кто?

Друкарев пожал плечами.

- Если б знать. Меня не было в городе. Приехал вчера вечером.

Мы молча постояли. Что еще было делать?

- Наверное, надо поспрашивать. Может в библиотеку кто сдал. Я понимаю - книги, а вот стихи, где они у него хранились. Может быть оставили.

- Да в том и дело, что стихи. Выбросят в мусорный ящик и все.

Вот оно забвение - мелькнуло у меня. Человек доверил бумаге лишь маленькую частичку своего "Я" и это на помойку.

- У него кто-то был? Я имею в виду родные. Может быть женщина?

- Нет. Понимаете...

Друкарев закашлял.

- У него не было женщины. Он... ну вы понимаете?

- Да.

- Он всегда смеялся, рассказывал смешные истории, анекдоты, над которыми ухохатывался вместе со слушателями. А кто бы знал, что у него на душе творится. Маска, маска, она помогала ему выживать. А эпитафии? Он же на половину института их написал. Помните

Лежит Крупин в могиле той.

Конечно, со своей женой.

Крупин - бывший ректор института, известный своими высокими моральными качествами.

Вечером я чувствовал себя разбитым и каким-то выпотрошенным. Смерть Треухова окончательно добила меня. Что останется после меня, эта мысль не давала мне покоя. Конечно, если там забвение, то и все равно, что тут будет. А если я буду видеть, что происходит без меня здесь на земле, как люди быстро забывают меня и ничего нельзя сделать. Ад, ад, вот это и есть ад.

Я сидел у компьютера, боясь взглянуть в окно.

XI.

Но я взглянул. Окно напротив, выходящее на балкон, горело. И все, больше ничего. Машины не было. Я повернулся и стал смотреть сквозь темноту. На что я надеялся? Что мне было нужно? Увидеть ее? А зачем? Чтобы совершить еще один сумасшедший поступок. Почему вообще эта женщина притягивает тебя. Красива, но есть ведь и другие красивые женщины. А главное, главное, ты вступаешь в полосу неопределенности, ты уже не можешь планировать свою жизнь, ты не можешь даже сказать, что с тобой будет через неделю или месяц. Притяжение, возникающее между мужчиной и женщиной, не поддается рациональному расчету. Это магическое явление нельзя оценивать с точки зрения пользы или нравственности. Эти понятия перестают работать.

Мужчина и женщина - две половинки, ищущие, притягивающие и отталкивающие друг друга.словно заряженные частицы, светящиеся разноцветными огнями, кружащиеся в колдовском танце. Частицы, заряды которых вдруг меняются на противоположные. И вот уже две половинки начинают бег друг от друга, попадая в электрические поля других частиц. Бег частиц постепенно замедляется, будто кто-то постепенно снижает потенциал их, медленно вращая ручку рубильника. Остановившаяся частица только слегка подрагивает и излучает тихий приглушенный свет, который постепенно тухнет.

Я сидел и смотрел в темноту, представляя мою визави, то в красивом длиннополом халате, то сидящей в ванне, то у зеркала, готовящуюся ко сну, то просто темные глаза, слегка улыбающиеся мне. Эти образы, вращающиеся в моей голове, отвлекли меня собственно от созерцания, так что когда я очнулся, то увидел, что окна напротив потухли.

Во сне я видел свое детство. Зимняя обледенелая горка у нас во дворе, которую строили и заливали всем миром, и я с фанеркой, на которой тогда катались с горок. Взобравшись на самый верх по скольким обледенелым ступеням, я никак не мог решиться скатиться вниз. Было страшно и хотелось спуститься по ступеням обратно. Но

было уже поздно, так как толпа сверстников напирала снизу, кричала и ругала меня. Решившись, наконец, я закрыл глаза и вдруг проснулся. Трифон урчал рядом, а в окно светила луна и был виден черный дом напротив.

XII.

Я знал, что сегодня увижу ее. В тот момент, когда я еще находился между сном и явью я это уже знал. Когда я встал с постели и прошел в ванную, я знал, где я ее увижу. Пусть это будет нелепо, но я буду ждать ее на тропинке за домом. Если она поедет на машине, то я увижу, что она уехала. Я помнил, что раза два раньше я видел ее около девяти часов утра, выходящей из подъезда. Ну, что ж, время еще есть и я спокойно соберусь. Но спокойно собраться не получилось. Я опять стал волноваться, как в тот вечер. В результате я собрался уже часов в восемь утра. Посидев минут пять одетым на диване я решительно вышел из квартиры.

Накрапывал дождь. Пройдя дорожку, ведущую от дома напротив, я зашел за угол, и стал ждать. Чтобы чем-то занять себя, я стал наблюдать за кошками. В кустах за домом мелькала то одна то другая кошачьи фигуры. Кошачий мир жил своей насыщенной полной страстей жизнью. Красивый мордатый дымчатый кот, выбравшись из кустов, пошел вдоль стены дома, периодически подергивая хвостом - помечая свою территорию. Заглядевшись на кота, я не услышал стука каблучков. Повернув голову, я вдруг увидел ее. Она прошла уже тот поворот, за которым стоял я, и направлялась в сторону дворов, ведущих к центральному проспекту. Секунду помедлив, я бросился за ней.

Я шел, слушая стук ее каблучков, как самую прекрасную, когда-либо услышанную мною, музыку, и не мог настроиться, попасть в лад, или точнее собраться с духом, чтобы приблизиться и заговорить с ней. Она вдруг остановилась, как будто что-то припоминая, и посмотрела куда-то в сторону. От неожиданности, прежде чем остановится, я сделал еще два шага и почти вплотную приблизился к ней, почувствовав вместе с запахом духов еще какой-то чуть уловимый запах, возможно, являющийся только плодом моего воображения.

- Извините!

- Да?

Я вдруг увидел ее совсем рядом. Она смотрела на меня красивыми тёмно-кариыми глазами, в которых, как мне показалось, играли ис-

корки улыбки. Я как заколдованный стоял и смотрел на нее, на ее ресницы, губы, сережку в ухе, завиток черных волос на лбу. Кажется, мой взгляд зацепил ее, так как она нахмурилась и как-то чуть заметно покривила губками.

- Я вас слушаю.

- Я хочу с вами поговорить.

- О чем?

- Даже не знаю.

- Постойте. Это вы звонили в квартиру позавчера вечером?

- Да. Я хочу извиниться, но мне действительно нужно с вами поговорить.

- Я спешу, вообще-то.

- Могу я с вами пройтись?

- Идите. Так о чем же мы с вами будем говорить?

Мы шли рядом. Какое-то время я не мог начать разговор, мысли прыгали, перескакивая с одного на другое.

- Я... Я хотел с вами познакомиться.

- Вы для этого ко мне ночью приходили?

- Да. Не мог себя сдержать. Вот сегодня тоже не удержался.

- Вы все так делаете?

- Как?

- Ну, в порыве что ли.

- Нет. Вы, наверное, исключение. Как вас зовут?

Темноглазка ответила не сразу. Мы шли дворами. Я искоса на нее поглядывал. Почему меня так волнует этот ее завиток?

- Меня зовут Владимир.

- А меня, Екатерина. Вы со мной будете до самой работы идти?

Дворы заканчивались, и за домом начинался оживленный проспект.

- Ой, бога ради. Я хотел бы только попросить вас... ну я хотел с вами встретиться еще.

- Если вы собираетесь ловить вот так меня на улице, то разрешения вы не спрашивали.

- Хорошо. Тогда до завтра.

Мы разошлись. Я взял вправо, вышел на улицу, дождался, когда Катерина также появилась на улице с другой стороны дома, а потом долго, пока было видно, смотрел ей вслед.

Только когда, она исчезла из виду, я вдруг почувствовал, что намок. Не сильный дождь, однако, промочил меня насквозь, а брюки были забрызганы грязной дождевой водой.

XIII.

Десять часов вечера для меня самые плодотворные часы. Не знаю почему, но именно к этому времени мысли, связанные с дневными проблемами уходят, приходит образное мышление, подогреваемое романтическим настроением. Окружающий мир, словно огромный океан с растворенными в нем прибрежными огнями шумит и плещется у моих ног.

В душе моей звучала веселая мелодия. Завтра я снова увижу мою темноглазую красавицу. Я знаю ее имя, я могу видеть ее вновь и вновь. Я словно потерял часть себя, но приобрел часть ее, и эта часть кружила мне голову, звала меня, манила и притягивала. Темные глаза с длинными ресницами то и дело возникали передо мной в темноте и как два магнита тянули меня к себе. Эти глазки то улыбались мне, то грустили, то подмигивали, то смотрели куда-то сквозь меня.

Весь день я думал о Катерине и ни разу не вспомнил о черной машине. Для меня она словно и не существовала вовсе. Однако она существовала. Черная птица опустилась под окнами темноглазки вечером около десяти с четвертью. Сам момент, когда машина подъехала к подъезду, я пропустил, я увидел только, как высокий мужчина стоял у двери подъезда, а затем быстро исчез за ней.

Я продолжал смотреть то на дверь подъезда, за которой исчез незнакомец, то на окна Катерины, горевшие приглушенным светом, за которыми нельзя было разобрать никакого движения. Однако, не понятно по какой причине, я не испытывал никакого волнения, никакого чувства тревоги или ревности. Будто то, что происходило теперь за окнами темноглазки, не имело никакого отношения к ней, ко мне, к той тонкой серебряной нити, протянувшейся между нами несколько недель назад.

С того момента, как незнакомец исчез за дверями подъезда прошло минут пятнадцать, как вдруг незнакомец появился снова. Он быстро прошел к машине и отъехал от дома.

Прошло еще минут десять. И у подъезда остановилась "калина". Стал понятным быстрый отъезд (почти бегство) водителя черной машины. Не большая крепкая фигурка потащила огромную сумку в сторону подъезда. "Бухгалтер" возвращался к своим пенатам.

XIV.

Корвалол почему-то не действовал. Мне не спалось. Час, два, уже скоро три. Сколько можно перекатываться с бока на бок. Я включил телевизор, но по всем каналам шла какая-то ерунда. Боже, завтра утром вставать.

Прошелся по комнате, подошел к окну. Странно: окна в квартире темноглазки горели. Я взгляделся. Ясно на кухне была видна фигура крепыша - бухгалтера. Он стоял у окна и курил. Кто-то еще сидел за столом. Впрочем, ясно кто. Что там происходило? Крепыш отвернулся от окна и стал что-то говорить, обращаясь к женщине за столом - я теперь точно мог разглядеть, что это была женщина. Правой рукой "бухгалтер" жестикулировал в такт слов, как будто вбивал гвозди. Прошел по кухне, снова вернулся. Женщина за столом смотрела куда-то в сторону. Крепыш теперь остановился прямо перед ней. Рука по-прежнему поднималась и опускалась, казалось вот-вот он подойдет к ней совсем близко и начнет вбивать гвозди прямо ей в голову. Но нет, женщина отвернулась к окну и закурила, а мужчина как-то поутих, прошелся по кухне и быстро вышел. Женщина курила, и казалось, вглядывалась в темноту за окном. Что она могла увидеть там, свою судьбу, свое будущее? А я смотрел на нее, она представлялась мне моей судьбой. Так мы и сидели и смотрели - она в темноту, а я на нее.

Утром встреча не состоялась. Я стоял и ждал, но мимо шли все не те и не те. А я все ждал и ждал и, в конце концов, опоздал на работу.

Часа в четыре зазвонил мобильник. Николай интересовался, свободен ли я сегодня вечером.

- Нет, Коля. Сегодня не могу. Извини, у меня дела.

- Ладно, на следующей неделе забегу.

Я опять сплупил. Надо было, наконец, воспользоваться случаем и расспросить о его женщине. А если это он приезжает к моей темноглазке? А тут еще муж. Что у них там происходит? Мужья иногда

узнают о жизни своих жен, и это не всегда приносит им радость, да и женам тоже. Красота влечет, но далеко не всегда красота спасает маленький семейный мир.

XV.

Но я всё-таки увидел ее.

- Когда я смотрю на вас, то мне кажется, что я смотрюсь в зеркало, но до конца не узнаю себя, словно в одну секунду поменялся. Ведь и цвет глаз не тот, но все равно я, будто свои глаза вижу. Я не могу оторваться от вас, поднят или опустить глаза, словно по какому-то не зримому сосуду что-то перетекает от вас ко мне.

Мы сидели на кухне у темноглазки. На следующий день, не дождав-шись ее на улице, я позвонил ей по домофону. Как ни странно, не спросив ничего, она сразу впустила меня. И вот я в ее квартире, пьем чай на кухне.

- И когда вы почувствовали это ко мне? - глаза ее улыбаются, но как-то печально и губы чуть-чуть растягиваются, в каком-то подобии улыбки.

- Я видел вас в окно. Вы шли к себе домой. Потом наблюдал, как вы курите у окна, потом снова на улице. В общем, мне захотелось познакомиться с вами.

Катерина была в белом халатике с тисненными узорами, похожими на какие то письма. Вот такая домашняя встреча просто ошеломила меня. Я потерял способность рационально мыслить, и был как будто под воздействием легкого наркотика или алкоголя. Я сильно волновался, когда подходил к ее двери, теперь постепенно успокаивался, но ее близость... она не позволяла мне полностью вернуться в мое привычное ровное расположение духа.

- Я взяла отгулы, сижу дома. Да, а как вас зовут?

- Владимир, можно просто Влад. Какое имя вам больше нравится: Катя, Катерина, Екатерина.

- Все равно. Отец в детстве звал Катериной. А теперь зовут по-разному.

Катерина встала и подошла к холодильнику. В тот самый момент, когда она вставала, полы халата чуть распахнулись, и я на одно мгновение увидел ее ноги выше колен. Меня как током ударило.

Некоторое время ее ножки, как на секунду появившийся мираж, стояли у меня перед глазами.

- Слушай Влад, давай на "ты". Раз уж я тебя впустила. Будешь?

Катерина неожиданно достала из холодильника бутылку коньяка.

- Давай - я был на все согласен, только быть рядом с моей Катериной.

- Ну, и я с тобой выпью - Катерина достала из буфета рюмки.

Мне еще не приходилось вот так пить с женщиной. Перейдя на «ты», и выпив по рюмке, мы вдруг в одночасье оказались с ней в каком-то двусмысленном отношении. Друзья - не друзья, любовники - не любовники. Но ведь она сидит совсем рядом, и я могу протянуть руку, чтобы дотронуться до нее. Могу взять ее руку, провести пальцами по волосам. И этот завиток, что сводит меня с ума с того самого момента, как я его увидел. Ее тело скрывает только легкий халат. Я мог видеть округлости ее груди, поднимающейся под халатом, а когда она чуть поворачивалась в профиль, то через прорезь я мог видеть и часть этой груди.

Но рюмка коньяка подействовала, и искорки в ее глазах заиграли ярче.

- А ты, Влад, чем занимаешься?

- Вообще программист, преподаю.

- А я ничего в компьютерах не смыслю. На работе по каждому поводу зову наших программистов. Неделю назад нажала на какую-то клавишу, и у меня все исчезло с экрана. Потом ребята надо мной смеялись, говорят, что невозможно предугадать логику моих действий.

Она засмеялась, но как-то не весело.

Я молчал и смотрел на нее. Сближение с женщиной всегда несет в себе какое-то дополнительное измерение. Еще час назад его не было и вот в какой-то момент, не понятно какой, это возникло. Чудо не только в том, что этот момент невозможно определить, но и в том, что никакие промежуточные фазы состояния, также совершенно нельзя отследить.

- Ты, наверное, хотел бы узнать о моей личной жизни?

Я молчал.

- Я тебя разочарую. Я не буду говорить об этом. Это слишком длинно и вряд ли ты поймешь.

- Я тоже не хочу говорить о себе.

- Скажи тогда, Влад, что ты обо мне думаешь.

- Я не думаю. Я просто смотрю на тебя и не могу оторваться. Я ничего не хочу думать. Мне этого достаточно. Я хочу, чтобы это не прекращалось никогда.

- Все кончается, я это знаю точно - Катерина скривила губы в улыбке.

- Я знаю, но не хочу думать об этом. Я могу потрогать твои волосы?

- Да - она засмеялась и наклонила голову, - погладь меня.

Я протянул руку и осторожно провел рукой по волосам. Когда рука коснулась ее плеча, она склонила голову и щекой прижала мою руку. Я придвинулся к ней, опустился на колени и обхватил ее за талию. Руки мои скользили по ее телу - я так ждал этого момента.

- Постой, постой. Сядь. Я не хочу.

Она почти с силой оттолкнула меня. Я сел. Моя взлохмаченная голова и обескураженный вид вызвали у нее легкую улыбку.

- Пойми Влад, я не хочу. Мне плохо, понимаешь. У меня такое ощущение, что я прощаюсь.

- С кем, с чем?

- Не знаю, просто чувство такое. Может быть с миром. Моей дочке шесть лет. Два дня назад я отвела ее к бабушке. Даже не знаю зачем. Когда уходила, то вдруг заплакала, будто вижу ее в последний раз. Понимаешь, вышла из подъезда, смотрю на окна, стою и плачу. Не знаю, что со мной было. И жалко и обидно, будто из детства что-то пришло. А что жалко и что обидно, сама не могу понять. В детстве у меня любимая кукла была, не расставалась с ней. Ночью рядом с собой на подушку клала. Переезжали на другую квартиру. Знаешь, обычно часть вещей при этом оставляется, выбрасывается. Не знаю или выбросили мою куклу или просто оставили. Я так плакала. И вот сейчас тоже чувство. Только вот на кого обижаться, не на бога же. Проще всего на него обидеться, вот, мол, кто виноват то. Но сколько-бы я ни просила у него, помочь мне... Не знаю...

Я глядел на нее. Темные волосы, слегка растрепаны, а в глазах блеск, словно две круглые спелые черные с коричневым отливом смородины смотрели на меня. Я смотрел на нее и слышал звуки скрипки, звуки метались отрывистыми стаккато, будто искали выхода, не находили его, но продолжали биться и носиться как обезумевшие птицы в замкнутом пространстве.

- Ты знаешь Влад, что значит жить так? Я плачу ночами, тихо, чтобы муж не услышал. Проснусь и плачу. Я не могу так жить и не могу жить иначе. Я даже о самоубийстве думала, вот только духу не хватает. Один раз пошла уже с бритвой в ванну. Дома никого. Набрала воды, легла, но не смогла уйти. Страшно стало. Ведь обратно уже не вернуться. А что там?

Она вдруг встала и быстро, задев меня полами халата, прошла в комнату. Я последовал за ней.

- Что думаешь, я не понимаю, почему ты обратил на меня внимание? Тебя, как и всякого мужчину потянуло на доступную женщину. Что не так? Муж в командировку, а он к жене. Что ж, я понимаю. Не девочка уже.

В ее глазах вдруг промелькнуло что-то наподобие искры. Екатерина стояла передо мной. Ах, как она была хороша! Я шагнул к ней, но она резко отстранила меня рукой.

XVI.

В комнате стояла только огромная двуспальная кровать, да еще прикроватная тумбочка. Катерина стояла у тумбочки, опершись на нее правой рукой и прислонясь спиной к стене, курила, сбрасывая пепел прямо на пол, и поглядывала в окно. Я стоял от нее всего в одном метре. Не зная, куда девать руки, я держал их в карманах брюк. Нужно было сделать шаг к ней, и я собирался это сделать.

- Ну, что ж ты? - Катерина насмешливо смотрела на меня. Вероятно, мои намерения были записаны у меня на лице.

Я шагнул. Моя темноглазка больше не сопротивлялась. Я целовал ее, медленно ведя руки от бедер вверх к груди. Я словно погружался в сладкое и вечное небытие, растворялся и в вновь обретал земную форму. Мои руки медленно обтекали форму груди, чувствуя ее соски. Ее правая рука, слегка выпуская коготки, скользила по моей спине. Я все ближе и ближе прижимался к ней, а она теплая и близкая прижималась ко мне. Обхватив ее правой рукой за талию, я увлек ее в постель. Ее халат легко распахнулся и ее тело горячее и манящее, вздрагивало и прижималось ко мне.

В какой-то момент ее левая рука вдруг стала отталкивать меня, как будто возникло какое-то иное чувство, или какая та ее другая часть вдруг стала сопротивляться нашей близости. Повернувшись на левый бок, я продолжал ласкать ее, водя правой рукой по животу, спускаясь вниз до лобка. Но ноги ее были сжаты, и во всем теле чувствовалось напряжение.

- Извини - Катерина, отбросила мою руку и села.

Я лежал рядом и тяжело дышал. Катерина снова легла.

- Не знаю, что со мной происходит. Словно какая-то сила вдруг овладевает мной. Я перестаю собой управлять.

Она не запахнула халат и лежала передо мной почти полностью обнаженная, такая доступная и такая неприступная одновременно, пахнущая желанием и целомудрием. Я прижался к ней и стал ее целовать, глядя рукой колеблющуюся грудь, живот, бедра. Она ответила мне, и мы снова приникли друг другу. Я расстегнул и сбросил с себя рубашку. Ее бархатные ручки обнимали и гладили мою спину, я опять начал проваливаться в сладкое небытие.

- Подожди, - вдруг зашептала она, - подожди. Я хочу передохнуть.

Она опять отстранилась и, соскользнув с кровати, встала.

- Пойдем на кухню. Я тебе должна кое-что сказать.

Она двинулась из спальни, а я торопливо натягивая рубашку, последовал за ней. В коридоре она остановилась.

- Наверное, это от коньяка, Влад. Сумбур какой-то, голова кружится.

В ее голосе звучала какая-то надрывная нотка, словно она извинялась и умоляла меня не уходить, но одновременно отталкивала и выгоняла меня.

Заворачивая в коридор в сторону кухни, я вдруг услышал какой-то звук со стороны входной двери. Будто кто-то тихонько прихлопнул ее.

...

Все произошло за какие-то доли секунды. Удар пришелся по голове, с правой стороны. На какое-то время я потерял сознание.

Господи, что у него было в руках. Я очнулся. Почему-то сразу подумалось, что это был "бухгалтер". С трудом приподнимаю голо-

ву, дверь в квартиру открыта - я лежу в коридоре, возле туалетной двери. Где она? Куда девался, чертов "бухгалтер". Ухватившись левой рукой за ручку двери ванной, я с трудом встаю на ноги, затылок ломит. В коридоре никого. Поворачиваюсь вправо. Боже, что это? Катерина лежит на полу в комнате. Красное пятно на дорожке, красные пятна на халате. Кровь. С трудом передвигаю ноги. Где этот чертов телефон, в карманах нет. Что делать. Опираясь на стенку, подхожу к Катерине. Господи помоги, поднимаю ее на руки, голова кружится. Только бы не упасть. Выхожу из квартиры. Медленно из последних сил левым плечом прижимаясь к стене и прижимая к себе Катерину, начинаю спускаться по лестнице. Каждая ступенька дается мне с усилием. "Еще одна, еще одна" - повторяю я как заклинание и от отчаяния плачу.

Вот уже второй этаж. Неожиданно передо мной возникает высокий мужчина. Я почти не вижу его лица, глаза заливают пот и слезы. "В больницу, в больницу" - хриплю я. Он берет Катерину на руки и бежит вниз, а я, задыхаясь, сползаю за ним. Вываливаюсь из подъезда, вижу, как высокий мужчина садится за руль японской черной машины.

...

Катерина и ее сопровождающий погибли в автомобильной катастрофе. При выезде со двора в них на полном ходу врезался грузовик. Смерть к обоим пришла мгновенно.

XVII.

Зимой смеркается рано. За окном темь, а на будильнике еще нет и шести - не горят фонари у подъездов. Но горят окна дома напротив. Огромный улей продолжает жить. Люди рождаются и умирают, и только память живет, пока живы мы.

Мы сидим с Николаем, уютно устроившись на диване, пьем коньяк и разговариваем. Николай рассказывает мне о своих любовных злоключениях. На полу уютно устроился Трифон.

Пирогов В.Ю. ©

2011, Шадринск.

<http://asm.shadrinsk.net>